12+

Тимур Ч

Огонёк у мельницы

Тимур Ч

Огонёк у мельницы

«Издательские решения»

Ч Т.

Огонёк у мельницы / Т. Ч — «Издательские решения»,

В Речной деревне ждут королевское зерно, но до мельницы не доезжают двенадцать мешков. Мельник Томас отказывается подписать ложную ведомость и сам оказывается под подозрением. Его дочь Марта отправляется искать правду. Но сможет ли она выбрать милосердие, когда захочет отомстить?

© Ч Т.
© Издательские решения

Содержание

Глава 1. Шестьдесят мешков 6
Глава 2. Двенадцать мешков 11
Конец ознакомительного фрагмента. 14

Огонёк у мельницы

Тимур Ч

© Тимур Ч, 2026

ISBN 978-5-0071-6648-5
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1. Шестьдесят мешков

Осень в тот год пришла раньше срока. Ещё не закончился август, а по утрам над рекой уже лежал холодный туман, трава белела от росы, и старое мельничное колесо поворачивалось нехотя, словно вода была слишком студёной даже для него.

По вечерам, когда мельничное колесо замедлялось, в окне дома рядом с мельницей загорался огонёк. Марта любила смотреть на него с дороги: такой маленький, а виден издалека — знак, что дома её ждут.

В Речной деревне старики говорили, что река ничего не забывает, а мельничное колесо считает каждый мешок. Томас усмехался этой присказке: счёт, говорил он, лучше не доверять ни реке, ни колесу — его надо вести самому. Но Марте нравилось думать, что у мельницы есть своя память.

Урожай выдался скудным. Весной поля долго заливало дождём, летом земля растрескалась от жары, и теперь крестьяне привозили на мельницу тощие мешки, в которых зерно перекатывалось свободно, почти не подпирая грубую ткань изнутри.

Марта стояла у подъёмного ворота и тянула за рычаг, помогая отцу поднять очередной мешок на помост. Ей исполнилось шестнадцать, и Томас давно доверял ей работу, к которой не подпускал младших дочерей. Марта умела на слух определить, ровно ли идут жернова, отличала хорошую рожь от отсыревшей и замечала недостачу раньше, чем отец успевал развязать мешок.

— Ещё немного, — сказал Томас. — Теперь держи.

— Держу.

— Не торопись.

— Я и не тороплюсь.

Марта потянула рычаг сильнее, чем требовалось. Мешок дёрнулся, качнулся над помостом и едва не ударил отца по плечу.

Томас придержал его обеими руками.

— Вот именно это я и называю спешкой.

— Зато подняли.

— Поднять мало. Хорошо бы ещё никого не покалечить.

Он сказал это без раздражения. Томас вообще редко повышал голос. Был он худощав, сутуловат и казался слабее, чем на самом деле. Много лет он ворочал мешки, чинил колесо, вытаскивал из воды тяжёлые брёвна, но делал всё спокойно, будто сила заключалась не в резком движении, а в терпении.

У порога мельницы появилась двенадцатилетняя Клара. Она несла жестяной ковш с водой и старалась ступать так важно, словно ей доверили по меньшей мере ключи от королевской кладовой.

— Мама сказала, чтобы вы перестали спорить и пришли завтракать.

— Мы не спорим, — ответил Томас.

— Марта спорит.

— Я объясняю.

— Громко.

Марта показала сестре язык. Клара немедленно ответила тем же и чуть не расплескала воду.

— Очень взрослое поведение, — заметил Томас. — Сразу видно двух помощниц мельника.

Из дома донёсся голос Анны:

— Если помощницы закончили важные переговоры, каша остывает!

На кухне пахло овсяной крупой и последними летними яблоками. Анна поставила на стол глиняные миски, нарезала хлеб и сразу убрала оставшуюся половину каравая в шкаф. Прежде хлеб лежал на столе весь день. Теперь его приходилось считать.

Семилетняя Лиза уже сидела на своём месте. Она макала палец в кашу, проводила по краю миски дорожку и сосредоточенно наблюдала, как та медленно исчезает.

— Ложкой, — сказала Анна, даже не оборачиваясь.

Лиза вздохнула и взяла ложку.

— Откуда ты знаешь?

— Матери всё знают.

— Даже когда не смотрят?

— Особенно когда не смотрят.

Клара засмеялась. Марта села рядом и подвинула к Лизе кусочек яблока со своей тарелки.

— Сегодня приедут королевские повозки? — спросила Клара.

Томас посмотрел на Анну.

— Так обещали.

Весть о помощи пришла в деревню неделю назад. Из королевских запасов выделили зерно для тех мест, где урожай оказался хуже всего. Его должны были перемолоть, а муку продавать бедным семьям по низкой цене. Несколько дней в деревне только об этом и говорили.

— А всем хватит? — спросила Лиза.

— Если правильно разделят, — ответил Томас.

Анна поставила перед мужем миску и негромко произнесла:

— Сначала пусть привезут. Потом будем считать, кому и сколько достанется.

Марта знала этот тон. Так мать говорила, когда не хотела спорить с надеждой, но и доверять ей не собиралась.

После завтрака Томас с Мартой вернулись на мельницу. Клара осталась помогать матери, а Лиза получила поручение собрать упавшие яблоки. Судя по тому, как быстро она исчезла за деревьями, половина яблок должна была попасть не в корзину, а в карманы её передника.

Первой к мельнице пришла пожилая женщина из дальнего конца деревни. Она привезла столько ржи, сколько смогла унести сама. Мешок был завязан старым платком и весил немногим больше Лизы.

— Всё, что осталось, мастер Томас, — сказала женщина. — До весны больше не будет.

Томас развязал платок, зачерпнул зерно ладонью и медленно пересыпал его между пальцами.

— Хорошее, — сказал он. — Сухое.

— Хорошее-то хорошее. Только мало.

Обычно мельник оставлял себе часть муки за работу. Томас взвесил зерно, записал количество в тетрадь, затем перемолол его и высыпал всю муку обратно в мешок.

Женщина заметила это сразу.

— Ты свою долю забыл.

— Не забыл.

— Тогда почему не взял?

— В следующий раз возьму.

— А если следующего раза не будет?

Томас завязал мешок платком и подал ей.

— Тогда и рассчитываться будет не за что.

Женщина долго смотрела на него, потом прижала мешок к груди и ушла, повторяя, что весной непременно принесёт плату.

Марта проводила её взглядом.

— Если ты будешь так делать с каждым, зимой мы сами придём просить муку.

— С каждым не буду.

— А как ты выбираешь?

— Никак. Иногда видно.

— Мне вот видно, что у нас осталось четыре мешка.

— Три с половиной, — поправил Томас.

— Это должно меня успокоить?

Он улыбнулся:

— Нет. Но ты любишь точность.

С дороги донёсся стук копыт. Сначала показались два всадника, за ними крытая повозка, а последней — лёгкая коляска. На её дверце был нарисован королевский знак: золотой сноп на тёмно-зелёном поле.

Марта вытерла руки о передник.

Из коляски вышел Стефан, управляющий зерновыми запасами округа. В деревне его знали все, хотя появлялся он здесь нечасто. Стефан был немолод, но держался прямо, одевался без лишней роскоши и говорил с людьми так учтиво, что после разговора с ним каждому начинало казаться, будто его внимательно выслушали.

Следом из коляски выбрался его сын Леон. Он был почти одного роста с Мартой, только худее, и явно не знал, куда деть руки. Пока отец разговаривал со всадниками, Леон подошёл к мельничному колесу и стал рассматривать деревянные лопасти.

— Близко не подходи, — сказала Марта. — Камни скользкие.

Леон оглянулся.

— Я вижу.

— Если бы все, кто видит, ещё и понимали, мне не пришлось бы предупреждать.

— Ты каждого приезжего встречаешь так приветливо?

— Только тех, кто собирается свалиться в нашу реку.

Леон хотел ответить, но в этот момент Лиза выбежала из сада. Её передник был набит яблоками, и одно за другим они посыпались на землю. Несколько покатились прямо к воде.

Леон поймал последнее яблоко носком сапога, поднял и протянул Лизе.

— Это тоже собиралась утопить?

Лиза серьёзно посмотрела на него.

— Нет. Оно само.

— Тогда я его спас.

Она взяла яблоко и тут же спросила:

— Ты умеешь плавать?

— Умею.

Лиза повернулась к Марте:

— Значит, можно было не предупреждать, что камни скользкие.

Леон рассмеялся. Стефан тем временем подошёл к Томасу и пожал ему руку.

— Рад видеть вас в добром здравии, Томас.

— Благодарю. Какими судьбами?

— Разве вам не передали? Завтра прибудет зерно из королевских амбаров. Я приехал проверить, готова ли мельница.

— Готова. Сколько мешков?

— Шестьдесят.

Томас посмотрел на пустой помост, затем на дорогу.

— Сегодня их не привезли?

— Нет. Повозки задержались у переправы. Но бумаги лучше оформить заранее. Дело срочное, люди ждут.

Стефан достал из внутреннего кармана сложенный лист и кожаный мешочек с печатями.

— Нам нужно поговорить без лишних ушей.

Марта сделала вид, будто занята верёвкой. Томас заметил это.

— Марта, помоги матери.

— Там Клара помогает.

— Значит, вдвоём управятся быстрее.

Возражать при Стефане Марта не стала. Она вышла из мельницы, но направилась не к дому, а к навесу, где лежали запасные жернова. Оттуда через щель между досками было видно часть помоста и слышны голоса.

Стефан развернул бумагу.

— Здесь указано, что завтра вы примете шестьдесят мешков ржи.

— Я распишусь, когда приму.

— Разумеется. Только прибудет несколько меньше.

— Насколько меньше?

— Сорок восемь.

Наступило молчание. Где-то наверху равномерно постукивал деревянный жёлоб.

— В бумаге шестьдесят, — наконец сказал Томас.

— Шестьдесят и будет. В бумаге.

— А на мельнице?

— Дорога долгая. Бывают потери. Рвутся мешки, ломаются повозки, зерно отсыревает. Никто не ждёт, что всё доедет до последнего зерна.

— Двенадцать мешков на дороге не потеряешь.

— Эти двенадцать уже проданы. Деньги пойдут на необходимые расходы.

— На какие?

Стефан вздохнул, словно Томас заставлял его объяснять очевидное.

— За хранение нужно платить. Возчикам нужно платить. Переправа стала дороже. Людям, которые помогли получить зерно для нашего округа, тоже полагается благодарность.

— А бедным семьям что полагается?

— Они получат муку.

— Из сорока восьми мешков вместо шестидесяти.

— Количество муки можно увеличить. Немного отрубей, немного более дешёвого зерна. Хлеб получится темнее, но сытнее. Голодному человеку не до цвета корки.

Марта прижалась ухом к щели.

— Вы получите свою долю, — продолжил Стефан. — После такого урожая она вам не помешает. У вас жена, три дочери. Старшей скоро понадобится приданое.

— Моей дочери не нужно приданое, купленное на чужом голоде.

Голос Томаса оставался спокойным, но Марта никогда прежде не слышала, чтобы отец говорил так твёрдо.

— Не преувеличивайте. Никто не останется без хлеба.

— Тогда привезите все шестьдесят мешков.

Стефан аккуратно разгладил бумагу ладонью.

— Вы хороший мельник, Томас. Именно поэтому я приехал к вам. Люди доверяют вашей печати.

— Вот потому я её и не поставлю.

— Подумайте до утра.

— Тут не о чем думать.

Стефан сложил лист, убрал его во внутренний карман и застегнул пуговицу.

— Жаль. Мне казалось, мы сумеем договориться.

Он вышел из мельницы. Леон, сидевший на ограде, спрыгнул на землю. Стефан положил руку ему на плечо, и они вместе направились к коляске.

Марта дождалась, когда стук колёс стихнет за поворотом, и вошла к отцу.

— Ты ему отказал?

Томас медленно собирал со стола просыпанное зерно.

— Ты подслушивала.

— Значит, отказал.

— Отказал.

— Он хочет украсть хлеб у бедных, — возмутилась Марта.

— Тише.

— Почему тише? Чтобы ему было удобнее?

Томас поднял на неё глаза.

— Потому что гнев редко помогает услышать всё до конца.

— А что тут ещё слушать?

Отец не ответил. Он подошёл к двери и посмотрел на дорогу, по которой уехала коляска управляющего.

Анна стояла у дома. Видимо, по лицу мужа она поняла достаточно, потому что не стала расспрашивать при девочках.

— Что случилось? — всё-таки спросила Клара.

Томас перевёл взгляд с одной дочери на другую.

— Завтра на мельницу привезут зерно.

— Все шестьдесят мешков? — спросила Марта.

Он помолчал.

— Теперь я не уверен, что завтра сюда привезут зерно.

Глава 2. Двенадцать мешков

За ужином Томас рассказал жене о предложении Стефана. Клара слушала, забыв о своей тарелке, Лиза ничего не поняла и только переводила взгляд с одного взрослого на другого. Анна не перебивала мужа. Она сняла с огня горшок, разложила остатки каши по мискам и лишь после этого села сама.

— Значит, завтра привезут сорок восемь мешков, а в бумагах запишут шестьдесят?

— Если найдут другого мельника, который согласится поставить печать, — ответил Томас.

— Найдут? — спросила Анна.

— Не знаю.

— А если не найдут? — продолжила она.

Томас пожал плечами.

— Тогда, может быть, привезут все шестьдесят.

Марта резко отложила ложку.

— Он не собирается ничего привозить. Ты же слышал, что он сказал.

— Я слышал.

— И спокойно отпустил его?

— А что я должен был сделать? Запереть управляющего в кладовой?

Клара прыснула, но, увидев лицо Марты, сразу замолчала.

— Надо было сказать ему, что ты обо всём расскажешь, — продолжала Марта. — Судье, городскому совету, самому королю.

— Королю? — переспросила Лиза. — Ты его знаешь?

— Нет.

— Тогда как ты ему расскажешь?

— Напишу.

— А он умеет читать?

— Конечно, король умеет читать, глупая, — снова засмеялась Клара.

— Я не глупая. Я просто не видела, как он читает.

— Довольно, — сказала Анна. — Оставьте короля в покое. У него, наверное, и без нас тяжёлый вечер.

Томас улыбнулся, но Анна смотрела серьёзно.

— Ты поступил правильно, — сказала она мужу. — Только не думай, что на этом всё закончилось.

— Я ничего дурного не сделал.

— Для себя Стефан это объяснит иначе.

Марта ждала, что отец возразит, но он лишь провёл ладонью по столу, собирая хлебные крошки.

— Завтра увидим, — сказал Томас.

После ужина он ещё раз обошёл мельницу, проверил замки и опустил тяжёлый засов на нижней двери, выходившей к реке. Этой дверью почти не пользовались. За ней находилось старое складское помещение, где прежде держали запасные жернова и мешки, а теперь лежали сломанные доски, ржавые цепи и части от водяного колеса.

Марта пошла вместе с отцом.

— Ты думаешь, он что-нибудь сделает?

— Думаю, нам не помешает быть внимательнее.

— Значит, тоже ему не веришь.

— Доверие не обязательно отдавать всякому, кто вежливо разговаривает.

Томас потянул засов, убеждаясь, что тот держится крепко, и передал Марте фонарь.

— Всё закрыто. Идём домой.

Ночью Марта проснулась от скрипа.

Она лежала на чердаке рядом с Кларой. За маленьким окном качались ветви яблони, и по потолку двигались слабые тени. Сначала Марта решила, что скрипит мельничное колесо. Даже остановленное на ночь, оно иногда вздрагивало под напором воды. Затем послышался глухой стук. Марта приподнялась на локте. Клара спала, натянув одеяло до самого подбородка. Снизу доносилось ровное дыхание Лизы. Больше в доме никто не двигался.

Марта подошла к окну. Мельница темнела по другую сторону двора. Небо затянули облака, луны не было, и разглядеть что-либо за деревьями оказалось невозможно. Стук повторился — тише и дальше. Потом всё смолкло. Марта постояла у окна ещё немного. Ей хотелось разбудить отца, но она представила, как Томас выйдет во двор, обойдёт пустую мельницу и скажет, что это всего лишь старая доска или ветка, упавшая на крышу.

Она вернулась в постель.

Утром её разбудили голоса.

Во дворе стояли четыре зерновые повозки. Люди, приехавшие с повозками, снимали с них мешки и складывали у входа в мельницу. Томас, не успевший надеть рабочий передник, записывал каждый мешок в тетрадь.

Марта торопливо спустилась с чердака и выбежала из дома.

— Почему меня не позвали?

— Ты поздно легла, — сказала Анна, стоявшая на крыльце.

— Я легла вместе со всеми.

— Значит, крепко спала.

Марта подошла к отцу.

— Сколько?

— Пока тридцать семь.

Она встала рядом и начала считать сама.

Рабочие разгружали повозки быстро. Двое переносили мешки, третий оставался у повозок, четвёртый держал лист с перечнем груза. Когда последняя телега опустела, Томас сверился с записями.

— Сорок восемь.

Старший из работников протянул ему бумагу.

— Распишитесь здесь, — сказал он.

Томас прочитал и вернул лист.

— Здесь написано шестьдесят.

— Столько нам выдали на складе, — сказал мужчина.

— До меня доехало сорок восемь.

— Пересчитайте ещё раз.

— Я уже пересчитал, — сказал Томас.

— Тогда ищите остальные у себя.

Томас поднял голову.

— Что это значит?

Старший из работников отвёл глаза.

— Я только доставляю груз.

С дороги донёсся звон упряжи. К мельнице приближалась знакомая коляска, а за ней ехала закрытая повозка с двумя стражниками. Рядом с возницей сидел сухой мужчина в сером плаще, державший на коленях кожаную папку.

Марта посмотрела на отца.

— Они приехали слишком быстро.

Томас ничего не ответил.

Стефан вышел из коляски. Сегодня он не улыбался.

— Доброе утро, Томас. Возникла неприятность.

— У меня не хватает двенадцати мешков.

— Об этом я и говорю.

Мужчина в сером плаще представился королевским ревизором — чиновником, проверявшим казённые поставки. Он показал Томасу документ, согласно которому со склада отправили шестьдесят мешков ржи. Под текстом стояли подписи людей, доставивших зерно и оттиск печати зернового управления.

— Я получил сорок восемь, — сказал Томас. — Моя дочь считала вместе со мной.

— Ваша дочь — член вашей семьи, — сухо заметил ревизор. — Её слова не могут считаться независимым свидетельством.

— Мы все видели, сколько мешков сняли с телег!

Марта обернулась к рабочим у повозок. Никто из них не посмотрел ей в глаза.

Ревизор открыл кожаную папку.

— Ночью в городское управление поступило сообщение, что часть казённого зерна могут попытаться спрятать на мельнице.

— Ночью? — переспросила Марта.

В памяти снова возникли скрип и глухой стук. Она посмотрела на нижнюю часть мельницы.

Стефан проследил за её взглядом.

— Думаю, для всех будет лучше, если мы осмотрим помещения.

— Осматривайте, — ответил Томас. — Мне нечего прятать.

Двое стражников вошли в мельницу. Ревизор направился следом, но перед самым порогом остановился.

— Есть ли здесь отдельная кладовая?

— Нижний склад, — сказал Томас. — Там ничего нет.

— Покажите.

Они спустились по узкой деревянной лестнице. Внизу пахло речной сыростью, старым деревом и машинным маслом. Томас снял со стены фонарь и зажёг его.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.